

сказано: не можете вместить ныне (Иоан. 16, 12), чем само Слово давало понять, что со временем сможем вместить и уяснить себе это. И это же самое Иоанн, Предтеча Слова, великий глас истины, признал невозможным самому миру вместить (Иоан. 21, 25).

Итак, всякая истина и всякое слово для нас недомыслимы и темны. Мы как бы строим огромные здания малым орудием, когда человеческой мудростью ловим видение сущего, когда к предметам мысленным приступаем со своими чувствами или не без чувств, которые заставляют нас кружиться и блуждать, и не можем, неприкосновенным умом касаясь неприкосновенных предметов, подойти насколько-нибудь ближе к истине и запечатлеть в уме чистые его представления. А слово о Боге, чем совершеннее, тем непостижимее, ведет к большему числу возражений и самых трудных решений. Ибо всякое препятствие, и самое маловажное, останавливает и затрудняет ход ума, и не дает ему стремиться вперед, подобно тому как браздами вдруг сдерживают несущихся коней и внезапным их потрясением сворачивают в сторону. Так Соломон, который до избыточности был умудрен более всех, и до него живших и ему современных, получил в дар от Бога широту сердца и полноту созерцания обильнее песка (3 Цар. 4, 29), чем более погружается в глубины, тем более чувствует кружения и почти концом мудрости считает найти, насколько она удалась от него (Еккл. 7, 24). А Павел покушается, правда, исследовать, не говорю естество Божие (он знает, что это совершенно невозможно), а только судьбы Божий, но поскольку не находит конца и отдохновения в восхождении, поскольку любование ума не достигает явно окончательного предела, а всегда остается для него нечто еще не изведенное, то (чудное дело! о, если бы и со мной было то же!) заключает речь изумлением, именует все подобное богатством Божиим и глубиной (Римл. 11, 33) и исповедует непостижимость судеб Божиих, выражаясь почти так же, как и Давид, когда он то называет судьбы Божий бездной великою (Пс. 35, 7), в которой нельзя достать основания ни мерой, ни чувством, то говорит, что дивно для него ведение и от состава его, и высоко, нежели насколько простираются его силы и его объем (Пс. 138, 6).

Оставив все прочее, рассуждает Давид, обращаюсь к себе самому, рассмотрю вообще человеческое естество и человеческий состав. Что это за смешение в нас, что за движение? Как бессмертное соединено со смертным? Как проливаюсь я долу и возношусь горе? Как обращается во мне душа, дает жизнь и сама участвует в страданиях? Как мысль и заключена в пределы, и неопределима, и в нас пребывает, и все обходит в быстроте своего стремления и течения? Как сообщается и передается со словом, проникает сквозь воздух, входит с самими предметами? Как приобщена к чувству и отрешается от чувств? И еще прежде этого, как в художественной храмине природы производится и первоначальное наше созидание и составление, и окончательное образование и усовершенствование? Какое это пожелание и разделение в нас пищи? Кто нас, не принуждая, привел к первым источникам и средствам жизни? Как тело питается яствами, а душа словом? Что за влечение природы, что за взаимная склонность у родителей и детей, связующая их любовью? Как виды (тварей) постоянны и не сходятся в отличительных признаках? Как, при таком их множестве, особенности неделимых неуловимы? Как одно и то же живое существо вместе смертно и бессмертно, – смертно, потому что прекращается собственная его жизнь, – и бессмертно, потому что оно рождает другие живые существа? Одно отходит, другое приходит, как в текущей реке, которая не стоит на месте и всегда полна.

Много еще можем любознательничать о членах и частях тела, о взаимной их стройности, тогда какони, по закону и соразмерности природы, сообразно нуждам и для красоты, одни сближены, другие отдалены между собой, одни выдались, другие вдались, одни соединены, другие разделены, одни объемлют других, другие сами объемлются; много о звуках и слухе, о том, как звуки переносятся от звучных орудий, и слух приемлет их и входит с ними во взаимное общение вследствие ударений и впечатлений в посредствующем воздухе; много о зрении, которое неизъяснимым образом сообщается с видимыми предметами, приходит в движение по одному мановению воли и в то же с ним время, – в каком отношении и уподобляется оно мысли, потому что с одинаковой быстротой и мысль сходится с предметом мышления, и взор с предметом зрения; много о прочих чувствах, которые служат какими-то, несозерцаемыми для ума, приемниками внешнего; много об успокоении во время сна, о сновидениях, о памяти и воспоминаниях, о рассудке, раздражительности и пожелании, короче говоря, обо всем, что населяет этот малый мир – человека.

Хочешь ли, перечислю тебе различие других животных в отношении к нам и друг к другу, то есть каждого природу, образ рождения и воспитания, местопребывание, нравы и как бы законы общежития. Отчего одни живут стадами, другие по одиночке; одни травоядны, другие плотоядны;